

Михаил Шелест

# Спасти настоящее

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

Михаил Шелест  
**Спасти настоящее**

«Автор»

2023

**Шелест М. В.**

Спасти настоящее / М. В. Шелест — «Автор», 2023

Герой из книги "Изменить будущее" продолжает попытку влиять на своё настоящее с целью сохранить СССР.

© Шелест М. В., 2023

© Автор, 2023

# Михаил Шелест

## Спасти настоящее

Глава 1.

– Давай, Михаил Васильевич, сядем и спокойно поговорим, – предложил Юрий Иванович Дроздов устало. Руководитель комитета государственной безопасности резко постарел. Его, и до того не отягощённое жирком тело, «подсохло», что я отметил по пожатой мной руке. Щёки впали.

Заметив оценивающий взгляд, он спросил:

– Плохо выгляжу?

Я пожал печами.

– Заели эти диссиденты. Хельсинская группа голову поднимает. Учёные... Национальный фонд демократии... Американцы пошли по нашим стопам. Сделали что-то типа нашего Коминтерна. Утомился я, Миша. Мы все утомились.

Дроздов внимательно смотрел на меня, сидящего через стол, напротив. Я продолжал молчать и слушать. Команды говорить не поступало.

– То, что ты всё, как ты говоришь, вспомнил, это хорошо. Мы тогда можем вернуться к тем твоим цифрам, которые ты положил в конверт, а я в сейф. Мы ведь поверили тебе, и правильно, судя по всему, сделали. Ты видишь, что творится в республиках. Всё вскипело одномоментно. Прошляпили и наши службисты, и партия. И, даже есть мнение, не случайно. Вот и хочу я тебя спросить, Миша, нет ли чего тебе сказать о дальнейших событиях? Не вдаваясь в вопросы, как ты это делаешь. Мы немного поковырялись у тебя в голове... Полякова считает, что ты – засланец с той стороны, потому как технологии не наши, но я ведь знаю тебя с детства. Что скажешь?

– Позвольте водички, Юрий Иванович?

Он встрепенулся.

– Что же это я?! Может чай, кофе?

– Воды.

Юрий Иванович не вставая со стула, потянул маленький разнос со стаканами со стола и поставил его перед нами. Потом нырнул рукой под стол и поднял с пластиковой бутылкой с прозрачной водой и поставил на разнос.

– Наши пластиковую тару стали выпускать. Опытное производство, – пояснил он. – Родниковая. Из морозилки.

Взяв двух, судя по размеру, литровую емкость, я почувствовал ностальгическое щемление в груди. И мне нравилось замораживать воду и пить её растаявшей. После этого даже кипячёная становилась ещё мягче.

– А то, что я мог сам себя отформатировать, она не верит? – Усмехнулся я. – Никто, кроме меня мной не занимался. Пытливый ум ребёнка.

Отхлебнув воду я поставил стакан на стол. В горле пересохло давно, а не только тогда, когда меня ввели в этот кабинет. Раньше я никогда в нём не был. Обстановка внушала трепет. В кабинет, да и в само здание на Лубянке меня доставили и именно ввели едва ли не под руки. А кое-где и под руки. Чего греха таить. Принудительно. В общем-то, помимо моей воли.

После случайной встречи с моей «женой» из того времени, с которой я и не мечтал завязать отношения, у нас с ней закрутился такой бурный роман, что я даже не думал о том, чтобы попасть в Москву, где меня ждала аж целая госкомиссия, и куда я должен был отправиться на завтра на специально присланном за мной самолёте.

Я лёг на дно так глубоко, что «комитет» нашёл меня только через три месяца. И то, можно сказать, что случайно. Они проверяли мои связи и в очередной раз трясли Выходцева,

к которому я в тот день так и не дошёл, а родителям сказал. Трясли прямо в «микроавтобусе» УАЗ. И тут по улице Кирова идем мы с Ларисой под ручку.

Представьте их реакцию. Они выпихнули измученного и ничего не понявшего Олега, схватили меня и запихнули в машину. Лариса отбивала меня, как могла, но силы были не равны.

Я, понимая, что сам неправ, не отбивался, а только лишь уворачивался от тычков и звездюлей, чем невероятно утомил оперов и они треснули меня чем-то по голове и усыпили химией.

Очнулся я уже в самолёте и всю дорогу не пил, ибо не давали, мотивируя, что потом попрошусь в туалет. Но в туалет всё же сводили, ибо на ИЛ-76 получилось двенадцать часов лёту.

– Вы хоть жену мою уведомили, где я?

– Ларису Александровну не только уведомили, но и допросили. А допросив, успокоили, что вы в руках друзей. Просто очень нужны на работе. Она поняла.

– Ну, хорошо...

– Ну, хорошо...

Мы сказали это почти одновременно и рассмеялись.

– Не обижайся на коллег из Приморского комитета. Сам виноват. Устали они тебя искать.

– Да, не обижаюсь я. Спрашивайте.

– Спросил уже.

Вода действительно была хороша и я налил себе ещё стакан. Воду я люблю. И пить, и смотреть на неё.

– Ты ведь в разговоре с Кунаевым ты сообщил сведения, которые ты не мог знать. Даже про попытку избрания Горбачёва, а тем более про убийство Брежнева. Кроме даты, конечно, которую ты мне сообщил в 1979 году, кажется. Значит видения повторились.

Не собираясь вскрываться полностью, я коротко ответил:

– Были, Юрий Иванович. Но это как неожиданная сонная дрёма за рулём, когда задумаешься, и вдруг, раз, и уже спишь. А потом, раз, и проснулся.

– Ты фамилии называл. Они действительно оказались мерзавцами.

– Самое страшное, Юрий Иванович, что таких, как те, – миллионы. Испорченных западной пропагандой, тлетворным влиянием запада и запущенностью народного хозяйства, которое никак не напоминает доклады с трибун. А народ хочет знать, не только, сколько посеяно гречихи, но и где именно она растёт?

– Это ты Жванецкого цитируешь? Тот ещё... Юморист.

– А зря вы, так о нём. Надо прислушиваться к сатирикам. С этого смеётся народ! Пока смеётся, а как придёт время, просто переступит через враньё и попытается построить своё будущее, другое, без вранья.

– И что у него получится? – Скривив рот, спросил Дроздов.

– Обманут его. Толпу мышей за дудочкой уведёт любой музыкант. Главное – подобрать правильную мелодию.

Я налил ещё один стакан и отпил хороший глоток.

– Они тебя, что, не поили?

– У-у, – отрицательно ответил я.

– Вот паразиты! Я им всыплю.

– Всыпьте-всыпьте. А ещё они меня по голове ударили. А вы знаете, это у меня самое большое место.

– Шутишь, – это хорошо, – улыбнулся Дроздов. – А нам не до шуток. Республики вздыбились. Людей не хватает. Мы, ты знаешь, увеличили и внутренние войска и войска гэбэ, но не хватает... Шеварнадзе, – сука. Грузинскую партийную ячейку баламутит. Автономии просят.

– Сейчас пойдёт – поедет.

– Но почему, Миша!

– А вы не понимаете?

Я не стал ждать его ответа. Конечно он всё понимал, но ждал ответа от меня.

– Процесс запущен давно. Мы на финальной стадии. Поезд подъезжает к разрушенному мосту. Локомотив, вроде бы, уже начал тормозить, но те, кто его толкают сзади, допихают вагоны к пропасти. Вместе со всеми, кто в этом поезде едет. Тот, кто в курсе про мост, пытаются прыгнуть и отбежать. А самые продуманные заранее построили ветки, отстегнули свой вагон и ждут удобного момента, чтобы свернуть на другие рельсы, отталкивая от себя локомотив.

Дроздов смотрел на меня и внимательно слушал. Я помню, как уже в «духтысячных» мы сидели у него в фонде, и я говорил ему те же самые слова, что говорю сейчас в 1989 году. Ему всегда нравилось моё образное мышление.

– Это ты видел? – Спросил он.

– Это я знаю, – сказал я. – И не спрашивайте откуда.

– Что ты ещё знаешь? – Спросил он.

– Фамилии, имена, явки, пароли? Так вы и сами их знаете, Юрий Иванович. Стоит только снова начать контрразведывательное прикрытие высших руководителей.

– Мы начали. Ещё в 1985-ом.

– Вот. И вы же сами сказали: международный... что там? Конгресс? Фонд? Имя им легион! Диссиденты!

– И что с ними делать?!

– Вы меня спрашиваете?!

Дроздов опустил голову.

– Я, почему-то, надеялся, что ты знаешь рецепт лекарства.

Мне вдруг стало страшно. До дрожи во всех мышцах. До холода в груди.

– Я не доктор, Юрий Иванович! Не на того учился.

– А на кого ты учился? – Спросил он. – И главное, для чего?

– На кого, вы и сами знаете... А для чего? Для того, чтобы спасти СССР.

– И как спасти СССР? Ты знаешь?

– Возможно, да. Кое что.

– Например?

– По-моему всех диссидентов надо отпустить, а то и выслать из Союза. И Сахарова с Боннер. И ни в коем случае никого не впускать обратно.

– Всех выслать? Миша, там много хороших учёных и многие из них секретносители.

– Секретносители? – Я усмехнулся. – От кого секреты? Вы же всё понимаете, Юрий Иванович, что никаких секретов уже нет. Сколько я передал их вам? И половина там наши секреты.

– Так это и евреев надо отпускать...

– Так и отпускайте. Причём без пенсии.

– Мы не можем. Люди работали.

– Оставьте их пенсию в Союзе в Сбербанке на депозите. Многие из них вернутся. Будут пользоваться. Квартиры пусть сдают государству.

– Много уедет. Это удар по престижу, но я с тобой согласен.

– Престиж, это когда у тебя экономика сильная, армия и когда ты не боишься потерять престиж. Если хотя бы одно из условий выполнено – тебя уважают. Экономика Америки на ладан дышит, а ей на всех начихать. Высшему классу на всех начихать. Кризис их не коснётся, а если коснётся, пройдёт рядом. Они сами и есть кризис. Перед кем мы боимся потерять престиж? Перед теми, кто нас никогда не уважал и не будет уважать? А только вставляет палки в колёса?

– Чем заняться хочешь?

– А мы надолго с вами расположились?

Дроздов посмотрел на настенные часы.

– Минут сорок ещё есть.

– Хорошо. Тогда я бы от кофе не отказался. С бутербродом.

Дроздов стукнул себя ладонью по высокому лбу и крикнул:

– Ребята, сделайте нам кофе в заварнике и бутербродов настрогайте.

Он часто употреблял это слово, «настрогайте», и по-доброму относился к подчиненным, потому его называли иногда «Папа Карло». Наверное, ещё и из-за его некоторого сходства с артистом, игравшем эту роль в фильме 1975 года. Бывший начальник нелегальной разведки любил своих кукол и относился к ним по-человечески. Он понял, что мне нужна пауза, чтобы собраться с мыслями и дал её мне.

Кофе с бутербродами принесли.

– Я понимаю, что Австралийская тема закрыта?

– Ну сам подумай. Как её можно было продолжать после твоей официальной «гибели»?

– Ну, да... Вьетнам тоже не для меня. Сразу, как советский специалист, попаду в разработку. Могу «вернуться» в аппарат ЦК. Я человек женатый. Надо устраиваться на берегу. Или переведите меня в Приморский комитет.

– Так. Понятно. Предложений дельных у тебя нет. Тогда поработаешь пока в аппарате на Лубянке. В аналитической службе. Почитаешь справки. Ещё раз вспомнишь всё. Подключишься к группе прогноза. Я с тебя не слезу, так и знай. Жду дельных предложений. Похоже, над сохранением СССР ты думал дольше и больше нас.

– Жену вызвать можно?

– Можно, Миша. Небольшую квартиру мы тебе здесь выделим, а дублёр твой в МЖК от ВБТРФ1 квартиру тебе достраивает.

– Хрена себе! – Вырвалось у меня. – Как так-то?

– Как-как? Всё просто. Ты же, засранец, когда мы тебя вызвали, нырнул на дно, но с работы не уволился. Пришлось вводить дублёра. А тут твоя очередь пришла выходить в отряд МЖК, на стройку. Вот он и пошёл. В сентябре этого года сдаётся первая очередь дома. Две секции. Въедешь в трёхкомнатную.

– Да у меня же нет детей!

– Зато у дублёра двое.

– Но ведь это его квартира. Нечестно как-то.

– У него есть. И это его работа. Тебя обеспечивать.

– Ну не жильём же!

– А почему нет. Так было задумано. И он был давно в курсе этого. И почему стыдно. Ты на субботники и в ОКОД ходил баллы зарабатывать? Ходил! Право выхода в отряд заработал? Заработал! Где нечестно? Что он за тебя на стройке вкалывает? Так программу можно отрабатывать разными способами. Даже привлекая вместо себя классного специалиста. Гибкие условия. Сам же придумал.

– Спасибо ему. А мы с ним даже не знакомы.

– И не надо. Не рефлексируй.

Глава 2.

Я читал папку «Латвия. Народные инициативы.»

«...В 1986 году журналист Дайнис Иванс в своей статье в газете *Literatura un Maksla* ("Литература и искусство") призвал остановить строительство Даугавпилсской ГЭС, чтобы не допустить затопления заповедной долины реки и сохранить присутствовавшие там редкие виды растений и животных. Призыв прекратить строительство нашел немало сторонников. Начался сбор подписей за отказ от проекта (всего таких подписей было собрано более 30

тысяч). ЦК Латвии поддержало инициативу обращением в ЦК КПСС. Строительство гэс приостановлено».

– Придурки, – вырвалось у меня.

Коллега, сидящий в кабинете за соседним столом напротив, поднял на меня глаза. Я пожал плечами.

«... 1-2 июня 1988 года на пленарном заседании правления союза писателей Латвийской ССР, с участием руководителей и экспертов республиканских союзов архитекторов, дизайнеров, кинематографистов, композиторов, художников, театральных деятелей, журналистов, была озвучена идея создания массовой организации «в поддержку перестройки». Такой организацией стал Народный фронт Латвии (НФЛ), учредительный съезд которого состоялся 8 октября 1988 года

– «Сука, опять это ненавистное слово «перестройка»», – уже мысленно, чтобы не тревожить коллегу, выругался я.

«... Руководство Компартии Латвии самоустранилось от контроля организации и подготовки. Ни выступления, ни повестка с ЦК не согласовывались. На заседании выступили...»

– «Так, это понятно. Компенсации за оккупацию, обратиться к правительству России, чтобы оно заботилось о своих гражданах, дало им жильё и работу на своей земле, секретные протоколы Молотова-Рибентропа».

«... Писатель Марина Костенецкая – единственная русская, выступившая на пленуме – была обеспокоена его антирусской риторикой и призывала понять, что русский народ также страдал от сталинизма и всем вместе надо объединяться против исторического зла, а не друг против друга»

«... Та-а-ак... Народный фронт Латвии возглавил молодой журналист Дайнис Иванс. Ну, а кому же, как не ему возглавлять революционное движение?».

То же самое и практически в то же самое время (в течении 1988 года) произошло в остальных республиках Прибалтики и в Белоруссии. Россию обложили фронтами. Пока только общественными.

Получается, что я, сначала находясь в своеобразном мозговом параличе, а потом в почти таком же состоянии, обусловленном первой стадией влюблённости, прозевал самый важный для моей страны период. Сейчас стоял июль 1989 года, а на кону развал Союза Советских Социалистических Республик.

– Блять, – выругался я.

Коллега встал из-за стола, взял сигареты и вышел. Наверное, чтобы меня не стеснять и позволить мне себя не сдерживать.

\* \* \*

– Что-то надумал? – Спросил Юрий Иванович. – Не вижу твоих докладных записок. Саботируешь распорядок?

– Не с кем посоветоваться, а вас не было.

– Советуйся, – вздохнул Дроздов.

– В народные фронты, я надеюсь, введены наши сотрудники?

– Естественно. Там же столько творческой интеллигенции. Примерно одна треть наши агенты.

– Помните английскую поговорку про собачий хвост?

– Помню. Ты думаешь, они скурвились и уже не на нашей стороне?

– Я придумал продолжение: «Хвост виляет не только собакой, но и её хозяином». Если они уже сейчас говорят: «Русские живите в России!», дальше будет только хуже.

– У Горбачёва мы нашли планы по организации этих Народных фронтов в поддержку перестройки и главную роль в их становлении должны были сыграть наши комитеты. Мы ничего не инициировали, так они сами по себе выросли.

– Всё инициировано до нас. Участие КГБ – фикция, для отвлечения от реальных инициаторов.

– Ты имеешь ввиду ЦРУ?

Я кивнул головой.

– К сожалению местные комитеты даже без команды сверху, включились в игру с общественниками. И мы знаем, что они грают на их стороне.

– Сейчас надо сконцентрироваться на РСФСР. В Прибалтике чистить, по-моему, уже поздно. Всё заросло дерьмом и мелкой ракушкой. Вы меня спрашивали про имена. Прибалтийские я пока вспомнить не могу, а вот Чеченские и грузинские я написал.

Я подал начальнику КГБ лист писчей бумаги с отпечатанным на машинке коротким списком. Он просмотрел и поднял на меня взгляд.

– А это справки по каждой фамилии.

Дроздов пролистал бумаги.

– Яндарбиев Зелемхан, 12 сентября 1952 рождения, председатель Комитета пропаганды художественной литературы Союза писателей СССР? И что?

– Один из основоположников и идеологов Чеченской Республики Ичкерия, – сказал я.

– Ичкерия?

Юрий Иванович взял простой карандаш и сделал какую-то отметку.

– Джохар Дудаев, 15 февраля 1944, начальник штаба тринадцатой гвардейской тяжёлой бомбардировочной авиадивизии, Полтава... А этот?

– Первый президент Ичкерии.

– Кхы! – Кашлянул в кулак Дроздов и взял третий лист. – Шамиль Басаев... Этот совсем молодой... 14 января 1965 года рождения, студент Московского института инженеров землеустройства (отчислен). А этот?

– Будущий террорист в 1991 году

– Двадцать пять лет? Ну, так нельзя, Миша. Тогда можно записывать в террористы или преступники тех, кто только что родился. И что с ними делать? В тюрьму сажать? И не удержусь спрошу... Откуда информация?

Я так тяжело вздохнул, что он махнул на меня рукой.

– А, это, что такое? Суфизм, ваххабизм?

– Это, Юрий Иванович, то, в чём без коньяка не разобраться.

– Ну, ты и хам! Начальника КГБ на выпивку среди бела дня раскручиваешь! Мне ещё на доклад сегодня к Гришину. Он не любит. Иди подумай над своим поведением. У меня дома посидим. Я сегодня пораньше уйду. Так что часов в восемь вечера на Горького. Помнишь адрес?

– Помню.

\* \* \*

У генерального, как и у всех присутствовавших на ежедневном вечернем совещании, настроения не было.

– Собрались! – Констатировал Гришин. – Что есть нового?

– На фронтах без перемен! – Пошутил Ивашутин.

У Гришина сжались губы, у Дроздова сердце, а у остальных разные другие места. У кого что, короче.

– Вот именно, что на фронтах. Допустили, мать вашу. Что ГРУ, что Комитет... Мы... Не можешь отменить надо возглавить... Кто, мать вашу, божился, что наша инициатива создать эти, млять, «народные» организации станет отдушиной для спуска пара?! А получается, что? Мы сами себе геморрой вырастили и теперь шутим. Только это остаётся да? А мне, почему-то, совсем не до шуток. Где ваша работа, Пётр Иванович?!

– Работа, Виктор Васильевич, ведётся, и причём активно. Мы сейчас вынуждено сконцентрировались на Афганистане. Наджибуле нужна активная поддержка. После частичного вывода нашего контингента, а именно танковых частей, Наджибула сильно... э-э-э... расстроился, и мы укрепили его уверенность в «завтрашнем дне» дополнительными подразделениями спецназа. Прислали инструкторов, готовим народные батальоны. Вчера Наджибулла в который уже раз призвал вооружённую оппозицию прекратить огонь, но те не согласились. Однако уже сегодня на сторону афганской армии перешло пять вооружённых формирований. Количество вернувшихся из Пакистана и Ирана беженцев постоянно растёт с момента открытия исламского университета. С 13 марта 1988 года количество вернувшихся составило более ста тысяч.

– Про Афганистан мы все читали и, полагаю, товарищи согласятся, наши действия там приносят определённые положительные результаты. Наше заявление о сворачивании военной фазы по причине установления в Афганистане конституционного порядка, встречено зарубежными средствами массовой информации положительно. И с многопартийностью вы с Юрием Ивановичем здорово придумали. И то, что вы сконцентрировались на уничтожении наркотрафика, это правильно. Это их доходная часть. Денег американцы им уже не дают, а мы обрезаем и эти потоки. Но нас сейчас больше беспокоит Прибалтика. Вы обстановку знаете. Есть вам, что сказать?

– Юрий Иванович там кашу сам заварил, пусть и доваривает.

– Что значит: «сам заварил»? Мы тут все согласились с его предложением.

– Я не сказал – «расхлёбывает». Сказал – «доваривает». Двум кухаркам за плитой тесно.

– От вас, Пётр Иванович и от Дроздова, требуется не толкание задницами «за плитой», а работа на периферии. Выявление центров принятия решение и их уничтожение.

– Уничтожения?! Это что-то новенькое! – Ивашутин заводился. – Тут поподробнее, пожалуйста.

– Вы, товарищ Ивашутин, не заводитесь. Мы давно говорили, что с этими международными фондами Сороса-мороса и иже с ними, надо кончать. Не нашими руками, конечно. Ведь они же не только в Союзе «демократию» сеют. И в Центральной, и Восточной Европе, в Азии, на Ближнем Востоке, Африке, Латинской Америке. Где только они не нагадили. Неужели ни в одном этом регионе не найдётся понимающих патриотов?

– Мы работаем над этим, товарищ генеральный секретарь. Уже готовим.

– Долго! Долго! А вот Дроздов уже подготовил. Да, Юрий Иванович?

Дроздов поморщился. В последнее время отношения с начальником ГРУ итак не ладилась, а тут ещё Гришин почти на каждом совещании сталкивал их лбами. Но сегодня Дроздов вдруг понял, что к этим «сталкиваниям» он уже привык, да и конфликтов с Ивашутиным стало меньше, а поначалу они, что называется, «рубилась» за каждую пядь оперативного простора.

– Наши противники используют наши ошибки. Так всегда было, так всегда будет. Мы тоже используем их ошибки, но они не заявляют скорое светлое будущее для народа, как мы. Они говорят, хочешь хорошо жить – живи, сам рвись к своей мечте, отталкивая других. На этом сложно их поймать. И во всех кризисах они обвиняют нас.

Дроздов понял, что несколько увлёкся прелюдией.

– Наши аналитики полагают, что нарыв надо вскрывать хирургически, а именно... Мы предлагаем возобновить строительство ГЭС на Даугаве. Это вызовет общественный резонанс, митинги протеста, но мы готовы одновременно с объявлением о строительстве провести аресты активистов. Как показал опыт, центры управления, или как правильно сказал товарищ Гришин, «центры принятия решений», реагируют на ситуацию моментально, пытаясь сразу использовать наши действия нам во вред. Вот мы сразу всех их и возьмём.

– Я ещё тогда говорил, что строительство Даугавпилской ГЭС нельзя останавливать, – слегка в нос пророкотал министр иностранных дел Примаков. – Без неё регион захиреет. А малые станции убыточны. Претензии защитников природы надуманы. Лес уже выпилен, дамбы

от разлива построены, моря не будет. Река фактически остаётся в своих берегах. Я категорически «за» предложение Юрия Ивановича. Пора доделать то, что начали, и тогда все увидят...

Последняя недосказанная фраза прозвучала двусмысленно.

– Вы уверены, Юрий Иванович, что волнения не выплеснутся на улицы? – Спросил Боголюбов.

– На сто процентов не уверен! – Жёстко сказал Дроздов. – Но ждате, когда они подготовятся и сами выплеснутся на улицы, я не рекомендую.

– А если просто их всех арестовать? – Спросил Крючков.

– Без повода? – Удивился Гречко. – Да вы что, Владимир Алексеевич? Они же пока белые и пушистые. Одобряем, да, товарищи?! Так. Сегодня Владимир Сергеевич нас чем-то хочет порадовать...

– Да, ну, что вы, Виктор Васильевич, что там я могу... Чем там радовать? Американцы вцепились в наше золото и руками, и ногами. Мы едва смогли взять тонну. И хорошо, что прямо в Форт-Ноксе провели экспертизу. Сразу после подписания бумаг на отгрузку. Скандал, товарищи! Под слоем двухмиллиметрового слоя золота – вольфрамый сплав. А клеймы наши стоят.

– Я всегда говорил, что нет там золота, – «прогудел» Примаков. – Забыть надо про него.

– Пятьсот тонн все-таки! – Председатель Госбанка СССР Алхимов аж заёрзал. – Жалко.

– Не получим мы нихрена, кроме санкций или очередной холодной войны, – махнул рукой Примаков.

– От санкций всё равно никуда не денемся, – проговорил Дроздов. – Только народными фронтами займёмся так и посыпятся.

– Да, а другие фронты? – Вспомнил Гришин.

– Так везде и возьмём. Литва, Эстония, Беларусь.

– Что-то хохлы зашухарились. Ох не к добру... – Покачал головой Ивашутин. – Никакой общественно-политической инициативы масс.

– Там Щербицкий всех диссидентов за причиндалы держит. Хотя, было дело, расстроился, что на пост генсека не заскочил. Мы с ним часто после съезда встречались и говорили. После диверсии на Чернобыле, не состоявшейся, слава КПСС, он ещё жёстче прошёлся по своим рядам. Да и вообще... Он и раньше активно давил диссидентов, запрещал националистическую идеологию и греко-католиков.

Примаков, при всей его интеллигентности, частенько позволял себе цветастые сексуальные образы по отношению к оппонентам.

– У них там полегче, чем Челябинске. Хлеба – во! Сала – во!

– Однако, Украину на особый контроль, товарищи. Это наша житница, как говорил классик. Чёрное море, Крым. Одеса!

\* \* \*

### Глава 3.

В небольшой двухкомнатной квартире на улице Горького за десять лет ничего не изменилось. Показалось, что даже набор продуктов в холодильнике: Сыр брынза, сыр твёрдый, оливки на развес, хранящиеся в пол-литровой стеклянной банке с полиэтиленовой крышкой, пол палки сухого сервелата. В морозилке серый хлеб в пакете (резерв), водка, сало, пластиковая бутылка с замёрзшей водой, шмат мяса, бутылка водки.

– Почему жену не вызвал? – Спросил Юрий Иванович, доставая из большого бумажного пакета маленькие. – Разворачивай и на стол.

– Не захотела. Побоялась. Новое место. Она у меня бояка.

– Бояка... Понятно. Может домой поедешь?

Иваныч с прищуром посмотрел на меня.

– Тут пока дел по гланды. Она в курсе про мою работу. Я ей сразу сказал. С ней по-другому нельзя. Узнает, что обманул, убьёт сразу.

– А шпионки с крепким телом её не пугают? – Иваныч усмехнулся. – У нас такая работа...

– Я же аналитик, а не вербовщик.

– Ну-ну... Давай скорее! Ну его, этот сыр! Резать его... Брынзу положи, маслины и разливай.

– О! Вы перешли на Коктебель?!

– Коньяк он любой хорош. На счёт коньяка я всеяден. Его можно выбирать под настроение. Сегодня я своё кислое настроение слащу. А тебе не всё равно?

– Да, наверное, всё равно.

Выпили три раза, причём третий по-афгански, за павших, предварительно коснувшись рюмкой стола. Именно оттуда пошёл этот тост. Раньше мы пили за тех, кто не с нами, а моряки за тех, кто в море.

– Раз уж вспомнили про Афган, то что ты там про ваххабизм имел в виду?

Юрий Иванович откинулся на кресле и покрутил головой, разминая шею.

– Только в темпе, а то я засну. Кстати, спишь сегодня здесь.

– Не вопрос. Про ваххабизм скажу, что это экстремистское течение залезло к нам на Кавказ и начало диктовать правила местному населению. Ваххабизм – детище империалистов, культивиру... бля... Созданное для разрушения государственности в исламских странах. Он запрещает контакты с любыми светскими и административными структурами. Только шариат. У нас на северном Кавказе... Про Азербайджан не помню, но и в Иране тоже... Короче, у нас распространён суфизм. Это более-менее мирное и толерантное к государству течение.

– Какое?

– Толерантное. Терпимое значит. Так вот если начнётся джихад против России. Ой... Против Союза. То суфии вынуждены будут поддержать его, иначе их сметут. Там уже есть сторонники ваххабизма. Яндарбиев, кстати. Поэтому надо как-то перетянуть суфиев на свою сторону. Но! Кавказ – дело такое же тонкое, как и восток. Им перевернуться ничего не стоит. Сегодня ты их учишь убивать ваххабитов, а завтра они уже убивают тебя. Так уже было.

Иваныч слушал меня внимательно.

– Когда было, Миша? – Спросил он спокойно, глядя на меня всё с тем же прищуром.

– Давно было, Юрий Иванович, – ответил я, не отводя взгляд. – Очень давно.

Иваныч дёрнул головой из стороны в сторону, одновременно хмыкнув.

– Ты себя ведёшь, как старый ветеран, а я себя ощущаю рядом с тобой «первопогонником». А ведь у нас с тобой наоборот, Миша. Ты, или запутался в своих снах, или просто чудишь. Тебе не кажется?

– Я не чую. А запутался я или нет, жизнь покажет. Если не попытаться исправить. Конечно, если СССР не рухнет, и Чечня, возможно, не станет Ичкерией. Но ведь ваххабизм никуда не денется, если его не скovyрнуть и будет разрастаться, как плесень. Мы ведь ничего не теряем, убрав экстремистов и оставив лояльных светским властям муфтиев.

– И давно там этот ваххабизм?

– Давно, но выползает только сейчас. Как по команде. Ислам ведь почти запрещён. В Ташкентском и других исламских институтах очень мало учебных мест. Мусульмане уезжают учиться за рубеж. И чему их, как вы думаете, там учат?

– Да, уж... Не поспоришь. Наливай четвертую. Чтобы за нас долго не пили третью.

Мы выпили и доели котлеты по-киевски, прихваченные Иванычем из ЦКовской «столовки», как он называл тамошний буфет.

– Расскажи ещё что-нибудь, Миша, но только не про ислам. Из увиденного тобой в будущем.

Это прозвучало у Иваныча так легко, что я вздрогнул, поперхнулся и вынужден был откашляться.

– Не знаю, что ты со своей головой сделал? И мы так и не смогли разобраться с помощью новейших приборов. Но пока, всё то, что ты нам сообщил совпало с настоящим. И если к тебе что-то приходит, ты записывай, пожалуйста эти ведения. Вон, даже священники говорят, что случается такое... Ясновидение. Давай. Рассказывай...

– Как космические корабли бороздят просторы Большого Театра?

Дроздов кивнул.

– Я тогда расскажу вам всё по порядку. Думаю, вы не заснёте.

И я начал говорить. В моей голове события уже давно были выстроены хронологически и просто логически. Я всю жизнь готовился к этому разговору.

Рассказал про Горбачёвскую перестройку, Ельцина, Гайдара и Чубайса, про «парад суверенитетов», про голод и торговлю сигаретными «бычками» пол-литровыми банками, про войны в Абхазии в Осетии, про две войны в Чечне, про Украину 2014 года, про Крым, про Донбас, обстреливаемый нацистами восемь лет, про спецоперацию 2022 года.

– А про Басаева вы лично, Юрий Иванович, авторитетно и с полной уверенностью сказали, что его готовило ГРУ. А он потом взрывал высотки, газопровод в Подмосковье и устроил теракт на Дубровке.

– Я? Лично? Когда?

– Мне уже в 2011 году, а в прессе это звучало ещё в 1996 году.

– Ты не бредишь, Мишаня? С полки головой вниз не падал?

– На мою голову, вы знаете, хватало других происшествий.

– Надо тебя ещё поизучать. Голову твою.

– Ничего не даст. Только время потеряете.

– Ладно, Миша, давай ложиться. Завтра подъём в шесть, а уже час. Напишешь всё, что рассказал, и в тринадцать ноль-ноль ко мне. Обсудим.

\* \* \*

Утром я вышел из парадного чуть позже шести. За Юрием Ивановичем должна была подъехать машина, а не надо было переодеться. Моя «квартирка» располагалась на Старом Арбате в доме с гастрономом «Торгсин». В этом гастрономе кот Бегемот из романа «Мастер и Маргарита» пожирал шоколад и мандарины. Я всегда, едва увидев гастронома, представлял «Бегемота» и улыбался.

Квартирка представляла собой жилплощадь из трёх комнат меблированную, ма мой неискушённый взгляд, антикварной мебелью. Вбежав по лестнице до «своей» двери я, как обычно, осмотрел её и отметил, что коврик так и лежит, сдвинутый мной ровно на два сантиметра по часовой стрелке, а маячки на месте. Хотя это не значило, но на душе стало чуточку спокойнее.

Я отпер дверь ключом и, отступив вправо, толкнул её во внутрь.

– Вы заходите, не стесняйтесь, – услышал я сзади и оглянулся.

В дверях квартиры напротив стоял человек в сером пальто и шляпе. У человека в правой руке, прижатой к телу, имелся пистолет с непропорционально удлинённым дулом.

– Заходите-заходите, – повторил он.

Я удивился его беспечности, но, когда посмотрел вглубь «своей» прихожей, увидел ещё одного человека, чуть моложе, одетого в лёгкую куртку «ветровку» коричневого цвета. У него аналогичный пистолет находился в левой руке.

Мелькнула мысль, что они могли бы попасть друг в друга если бы я смог уклониться в сторону, но снизу по лестнице поднимался третий.

– Обложили, как Плейшнера, – сказал я.

– Яду дать? – Спросил поднимающийся.

– Свой имеется, но не дождётеесь, – буркнул я. – У нас мало времени. Мне в управление к восьми тридцати.

– Ну, тогда заходи, Михал Васильевич. Не стой в дверях. Нам тоже на работу надо.

– А это, что у вас? Хобби? – Спросил я, зашагивая в прихожую и проходя в зал не разуваясь.

В зале в кресле сидел четвёртый. И его я узнал. Мы сталкивались с ним в фонде Иваныча в начале девяностых, и он меня должен был помнить. Тогда. Но не сейчас. Сейчас помнил его я, но не он.

– Проходи, садись

– Спасибо, Евгений Петрович.

– Ты меня знаешь, – не спросил, а констатировал он. – Откуда?

– Я тоже учился в школе.

– Не ври старшим. В школе не принято поминать имена прошлых руководителей. Настоящего-то не все знают, а тем более видели. Значит так, да? Значит ты у нас Ванга, да?

Из своей прошлой жизни я знал, что этот человек посвятил всю свою жизнь созданию своей собственной агентуры и этому научил некоторых своих учеников, вводя их в свой ближний круг.

Путём собственных изысканий я несколько расширил своё понимание значимости его участия в подготовки перестройки, но не собирался об этом ему говорить. Из всего прочитанного, услышанного про него, я понял, что это человек по своей сути беспринципный, и мог перешагнуть через любые принципы, если они мешали его идее перестроить СССР.

Моё положение в СССР было критичным. Про перестройку и её основателей я знал всё, но сообщить об этом не мог даже Дроздову. Это убило бы Юрия Ивановича и морально, и, скорее всего, физически. Конечно, я оставил свои записки в «надёжном месте», но гарантировать их доставку адресатам после моей гибели было невозможно.

– Дроздов упоминал? Скажи честно.

– Я свои источники не сдаю, – нагло ухмыльнулся я. – И вы можете отрезать мне даже руку.

Собеседник смотрел на меня ровно и пристально, почти не моргая. Его крупное, несколько вытянутое лицо с «хорошим» подбородком было спокойным.

– Времени, действительно, немного и, ты, в принципе мне уже всё сообщил, чтобы понять, что ты опасен. А я тебя увидел и запомнил. Жить ты будешь, но жить в ежеминутном ожидании гибели. А я пока решу, что с тобой делать. Может быть ты и пригодишься. Где меня искать, ты, надеюсь, знаешь?

– В Торгово-промышленной палате.

– Ещё раз удивил.

Он поднялся из кресла. По костюму, великолепно сидевшему на человеке, сказать, что ему пришлось прождать меня всю ночь, было невозможно. Да и не ждал он меня всю ночь, я так думаю. Перейти из квартиры в квартиру через лестничную клетку – пара минут. Умыться, одеться – минут десять. Я же шёл не особо торопясь, имея в запасе кучу времени.

– Не провожай, – остановил меня гость, сопроводив свои слова останавливающим жестом ладони. – Подумай над своим поведением. Не всё, что ты знаешь, полезно для страны.

– А что полезно, а что нет, – определяете вы?

– Определяем мы. И поверь мне, нас очень много и механизм перестройки СССР уже запущен. Тебе, или кому-то ещё, его не остановить. Тебе надо определиться, перемелет этот механизм тебя, или ты станешь его частью и принесёшь пользу нашей Родине.

– Не будет СССР, – сказал я чётко.

Он остановился.

– Почему не будет? СССР будет всегда. Партии, в том бюрократическом виде, в котором она есть, не будет, а СССР никто трогать не собирается.

– СССР «разлетится» и останется только Россия в нынешних границах. Даже Крым останется в Украине. А потом Украина вступит в НАТО. И по всем границам России НАТО приблизится вплотную. Подлёта одной крылатой ракеты хватит, чтобы долететь до Москвы.

Тут я немного приврал, но лишь немного. До вступления Украины в НАТО в моём времени оставался один шаг.

Человек смотрел на меня сверху и не мигая, а я на него снизу-вверх и откинувшись затылком на спинку кресла.

– Этого не может быть. Мы всё продумали.

– Это вы продумали, но ведь помимо вас есть и другие игроки, играющие чуть-чуть в другую игру.

Человек резко повернулся к двери и вышел.

Глава 4.

Старый конверт притягивал внимание всегда, когда Юрий Иванович открывал сейф. Он даже прятал его в самый низ под «долгие папки», но всегда помнил о нём. Поэтому Дроздов через пару месяцев вернул конверт на прежнее место и время от времени его открывал, гадая, кто бы это мог написать? Стихи всё-таки...

«Ты! Вновь сюда входящий!

Имей ввиду, что ты не одинок.

Едва сюда вступил ты за порог

Не волен ты решать, кто зряч, а кто не зрящий»

Первая строчка звучала, как почти, как фраза из «Божественной комедии» Данте. Но кто тот смельчак, сравнивший «комитет» с адом. И кого имеет ввиду автор четверостишия? Кто волен решать?

Юрий Владимирович Андропов писал стихи, но лист бумаги выглядел древнее шестидесятых годов. Увлекался стихами и Питовранов Евгений Петрович, учитель и советник Андропова, но пользовался ли он этим сейфом?

Юрий Иванович отложил конверт в угол сейфа и взял лежавшую наверху папку с названием «Фирма». И снова Питовранов... Понятно, почему эта папка здесь. Больше ей и быть, то негде, кроме как в сейфе у председателя КГБ. «Фирма» – сверхсекретнейшее подразделение КГБ, состоящее из экономически подкованных сотрудников комитета и привлечённых специалистов из внешнеэкономических правительственных структур. Сюда же входили сотрудники зарубежных банков СССР и совместных предприятий, открытых за рубежом.

Папка была толстой. Под ней лежало ещё с десятков папок со справками на сотрудников и агентов. И Юрий Иванович понимал, что это лишь видимая часть айсберга.

Даже он, бывший руководитель нелегальной разведки, ранее не знал о существовании этого отдела, обозначенного литерой «П». Вероятно, по имени его руководителя, официально занимающего пост председателя Торгово-промышленной палаты СССР.

Юрий Иванович знал, что финансирование некоторых агентов, специальных разведывательных и, чего греха таить, диверсионных групп, иностранных коммунистических партий, осуществляется через советские банки, имеющие зарубежную «прописку». Но такого размаха зарубежной агентурной сети он не ожидал.

Так главное то, что, поступающие от этой сети сведения, не направлялись в комитет, а обрабатывались в «Фирме» и даже председатель КГБ не знал, где именно?

Когда Дроздов, после назначения на пост главы комитета, увидел папку и вызвав для беседы Питовранова, попросил разъяснений, Евгений Петрович улыбнулся и спросил:

– Оно тебе надо, Юра? Это настолько огромная сеть, что ты просто не представляешь. Мы купили всех. Ты же, наверное, обратил внимание, что все наши экспортные конторы продают товары гораздо ниже «рыночной» цены. Потом и наш металл, и наш уголь перепродаются два-три раза. И конечная цена становится раза в полтора или два выше. Зачем, думаешь? А затем, что перекупщики, – это или наши фирмы, зарабатывающие валюту для расходования её «там», для наших секретных операций. Или те иностранные, которые мы прикармливаем, а через них американских, британских, или иных политиков и бизнесменов. Ты бы знал, кто у нас уже на крючке, Юра!? Если я скажу, у тебя закружится голова.

От «Фирмы» регулярно поступали справки. Дроздов их прочитывал, кое-что выписывал в спецблокнот, скорее напоминавший том Большой Советской Энциклопедии, и возвращал курьеру во время следующей еженедельной доставки.

Сведения, поступающие от агентуры Питовранова, действительно были уникальны и главное, что они естественным образом перекликались с оперативной информацией, приходящей по «обычным» каналам: агентуры КГБ и из отделов ЦК, сильно дополняя её подробностями.

После вчерашнего разговора с «Хулиганом» его с утра тревожила мысль о том, что процесс «перестройки», или, вернее, «катастрофы», который тот описывал, очень похож на спланированную операцию. И спланированную кем-то изнутри. И этот «кто-то» должен иметь широчайшие возможности.

Перестройка в том, ещё не наступившем будущем, имела два этапа: лёгкий и тяжёлый. В смысле последствий для СССР. До 1990 года не происходило ничего кардинального, кроме хуления Сталина, воспоминаний о «его» репрессиях, борьбы с виноградниками и дефицита, вызванного, по словам «Хулигана», разрешением государственным предприятиям и кооперативам прямой внешнеэкономической деятельности.

Этого сейчас удалось избежать, хотя большинство видных экономистов настаивало на том, что будет лучше.

– Лучшее враг, хорошего, – сам себе сказал Дроздов, хлебнул из кружки остывший кофе и, поперхнувшись, закашлялся.

Звякнул прямой телефон

– Слушаю, Виктор Васильевич. Доброго дня.

– Какой, нахрен, доброго, Юрий Иванович?! Нет сейчас «добрых дней». Можешь зайти? Срочно.

– Выезжаю.

Машина с мигалкой донесла до Кремля минут за пятнадцать. Столько же времени потребовалось, подняться по лестнице. Дроздов и в свои почти семьдесят пять был бодр и не любил ходить медленно.

Гришин сидел в сумраке кабинета, спрятавшись от полуденного солнца за плотными шторами.

– Что-то у меня голова раскалывается от солнца, – ответил Гришин на немой вопрос Дроздова.

– Я тоже в последнее время перестал его любить.

– У нас ЧП в Прибалтике. Только что передали по линии ЦК. «Жители Литвы, Латвии и Эстонии выстроили живую цепь длиной около 670 км (до двух миллионов человек, то есть примерно 25 % населения трёх прибалтийских республик), таким образом соединив Таллин, Ригу и Вильнюс. Акция приурочена к 50-летию со дня подписания пакта Молотова-Риббентропа. Цель акции – привлечь внимание мирового сообщества к историческим событиям, которые изменили статус стран Прибалтики». Как тебе? В Латвии во всех крупных городах на центральных площадях появились одиночные пикеты с транспарантами. Написано чёрными буквами «ГЭС» и перечёркнуто красным крестом.

– Плохо, Виктор Васильевич. Мы не успели.

– Плохо то, что в Литве заявил себя «Саюдис» – литовское движение за перестройку. Инициативная группа в количестве пятисот человек собралась в большом зале Литовской Академии наук и объявила об учреждении партии. Назначили на октябрь учредительский съезд. Своими целями провозгласил культурное возрождение, демократизацию, экономическую самостоятельность республики, заботу об охране окружающей среды.

– Понятно. Съезд допускать нельзя.

Раздался зуммер интеркома. Гришин нажал кнопку.

– Говори.

– Разрешите зайти, Виктор Васильевич? Срочная из Вильнюса.

– Заходи.

Референт зашёл тут же и передал Гришину открытую папку с телеграммой. Пробежав её глазами Генеральный Секретарь побелел лицом и сел в кресло.

– Пиз\*ец, – сказал он и передал папку Дроздову. – Катастрофа.

Юрий Иванович дотянулся до папки и глянул в телеграмму.

«20 июля 1989 года в 11.00-11.15 на Ионавском производственном объединении «Азот» в Литовской ССР произошло разрушение изотермического хранилища аммиака, в котором находилось 7 тыс. тонн жидкого аммиака при температуре минус 340С. Во время взрыва емкость приподняло и отбросило в сторону примерно на 25 метров. При падении были разрушены ограждающая железобетонная стенка, часть эстакады с трубопроводами, в числе которых был и трубопровод с природным газом. Аммиак разлился по территории завода, образовав озеро ядовитой жидкости с поверхностью около 10 тысяч квадратных метров, глубиной (местами) 0,5 метра».

– Да уж, – произнёс озадачено Дроздов, – лучше не скажешь.

– Ты почитай, а. Не дочитал я.

– «Около хранилища аммиака стояла компрессорная установка с автоматическим факелом дожигания. Жидкий аммиак загорелся. В зоне огня находилось изотермическое хранилище аммиака, частично эстакада наливки аммиака, цех производства минеральных удобрений (нитрофоски), склад готовой продукции, где находилось 24 тысячи тонн минеральных удобрений, и другие объекты. От горения минеральных удобрений в большом количестве стали выделяться токсические ядовитые вещества. Образовалось аммиачное облако высотой до 80 метров. Глубина распространения зараженного воздуха достигала 30 километров. Через несколько минут после возгорания бойцы противопожарной службы предприятия приступили к тушению. погибли пять работников предприятия и 57 человек пострадали, из них 42 человека были госпитализированы в больницы города.»

– Всего пять? Ничего не понимаю. Как-то при мне на молочном комбинате произошла утечка аммиака. Погибло трое и человек тридцать попали в больницу.

– Да... Странновато... Полметра аммиака! Это же кто-то измерил! Это же по колено в... Похоже – диверсия.

– Точно диверсия. Высылай свою «альфу» и согласно закону о ЧП, берите всё под контроль и проводите расследование и обязательно... Слышишь, обязательно найдите чей-нибудь след. Хоть той же «Саюдис».

– Полагаю, что это кто-нибудь из их радикального крыла. Его не может не быть. Сам вылечу.

– Действуй, Юрий Иванович.

\* \* \*

Председателя комитета в кабинете не оказалось, но помощник сказал ждите, и отправил меня в «зал ожидания» – маленькую комнатку с электрочайником, «заварником» и растворимым кофе.

Через сорок минут в дверь зашёл Дроздов, окинул меня мрачным взглядом и сказал:  
– Сейчас вылетаем в Вильнюс. Там ЧП и бунт. Жди здесь.

Я подождал семнадцать минут. В Волге, с форсированным мотором и с явно не волговской подвеской, до «Шереметьево два» доехали за тридцать минут. Сели в ИЛ-76 и взлетели.

Всю дорогу мы молчали, а усевшись в самолётные кресла, расположенные в отдельном салоне, рассчитанном на десять человек, Юрий Иванович сказал.

– Ты оказался прав. На почитай.

Прочитав я глубоко вздохнул и мысленно выматерился.

– Если будешь рядом со мной, тебе это как? Не в тягость?

– Мне по барабану. Лишь бы прок был.

– Прок будет. К нам доходят сигналы, что большая часть Литовского ЦК поддерживает СССР, меньшая вместе с первым секретарём Бразаускасом, встали на националистические рельсы и на раскол партии Литвы. Поговаривают даже об отделении от СССР. Но пока тихо. Задача такая: встретиться с Бурокаявичюсом. Это, который за нас... Всё записать на магнитофон.

– Разрешите предложение?

– Говори.

– Мне не стоит ехать с вами в КГБ Литвы.

– Почему? – Удивился Дроздов.

– Здание КГБ может находиться под наблюдением оппозиции. Если ими руководит Эндрю Эйва, то так оно и есть.

– Эндрю Эйва? Кто это?

– Американский военный литовского происхождения, капитан Сил специальных операций Армии США.

– Постой! Это не тот, что убедил конгресс США начать поставки крупнокалиберного оружия моджахедам и научил их сбивать наши вертолёты, целясь в винт управления?

– Тот.

– Вот же ж, сукин сын!

– Хуже того. Если здесь началось по серьёзному, то началось на год раньше, а это плохо. Значит они уже организовали Министерство обороны Литвы и готовят переворот на эту осень. Учредят «Саюдис», тут же проведут выборы в Верховный совет Литвы и провозгласят независимость.

– Ничего себе, ты разрисовал!

– Вызывайте Бразаускаса в Москву в ЦК, пусть пишет по собственному по состоянию здоровья и отправит его на лечение. Где воздух сух и пахнет елями, мороз трескуч лет пять сидели мы. – Навеяло мне вдруг двестише.

– Ты стихи пишешь? Не знал, – удивился Иваныч.

– Сам в шоке!

– Мысль твою понял, но не слишком уж ты преувеличиваешь? И даже боюсь спрашивать, откуда знания?

– Оттуда, – сказал я, чуть сиплым с похмелья, голосом Никулина в «Брильянтовой руке». Получилось так натурально, что Дроздов рассмеялся.

– Ох, хулиган.

– Обменяли хулигана на Луиса Корвалана, – продолжил я дурачиться.

Дроздов погрозил мне пальцем.

– Ты Вильнюс знаешь?

Я покачал головой.

– Ну вот. Никто не даст гарантию, что они не пасут наш рейс. Из нас течёт, Миша, как из стечной суки.

Иваныч тоже мог задвинуть такой образ, что мороз по коже продирает.

– И возьмут они тебя, красивого и молодого и потеряю я такого ценного консультанта. Ты, кстати, кем хочешь значиться: охранником или ординарцем?

Я почесал затылок и открыв холодильник, увидел бутылку «пепси» в пластиковой упаковке.

– Ух ты! Круто! – Сказал я и лапнул холодную ёмкость. Там же в холодильнике стояли и широкие стаканы. – Будете?

– Не люблю я эту дрянь. Ты мне лучше боржому плесни.

Разлив жидкости по бокалам и отхлебнув пахнувший лекарством напиток, я спросил:

– Других вариантов нет?

– Молод ты ещё для консультанта или референта. Капитан у генерала сапоги должен чистить. – Дроздов улыбался, а мне вспомнилось, что когда-то давно на границе, мы пацанами слушали его истории про войну. А я на утро, встав пораньше начистил ему сапоги до зеркального блеска. И так до сих пор в этом не сознался.

– Можно и сапоги, – вы же знаете, мы могём, сами учили

Так до Вильнюса мы и проболтали ни о чём, а в Вильнюсе завертелось.

Глава 5.

– Товарищи офицеры! Ситуация у вас в республике критическая, – начал Дроздов совещание. – По имеющейся у нас информации взрыв на Ионавском производственном объединении «Азот» – это террористический акт. Наши оперативники и следователи уже начали свою работу сразу по прибытии. Я буду краток. Что здесь у нас твориться вы знаете, хоть и не лучше меня, но в достаточной мере, чтобы сделать вывод, что в случае переворота может повториться Венгерский сценарий. Я не про наши танки, а про повешенных на столбах сотрудников Венгерского КГБ. Пусть никто из нас не строит иллюзий, что кого-то минует чаша сия, если мы допустим подобное.

Я стоял у выхода из конференц-зала в небольшой группе московских коллег и слушал председателя КГБ в пол уха. Он накачивал коллектив грамотно. Даже у меня сначала засосало под ложечкой, а потом стало подташнивать.

Иваныч и сам мог очень образно передать настроение. Я, например, очень чётко представил висящим себя, и шея моя зачесалась. А что? На меня не распространялся иммунитет неприкосновенности как во сне. Это не был сон. Это была жестокая реальность, в которой мне не раз доставалось. И, как сказал «человек из Торгово-промышленной палаты», надо было определяться, сгинуть в пучине Перестройки, или выплыть. Честно говоря, я ничего не рассказал Дроздову об утренних событиях, именно потому, что не хотел первого и не строил иллюзий о своей исключительности. В конце концов мне хотелось просто жить. И у меня снова появилась личная цель выжить.

– Так, товарищи! Свои задачи вы знаете. Конверты вскрыты. Действуйте. Чижов! Выезд сейчас. Тремя машинами, – сказал он мне. – Здешние коллеги сообщили, что Управление фактически в осаде. Да и мы с тобой видели те машины на тротуарах.

– Мы здешним коллегам верим?

– Не всем.

– Понятно.

– Надень бронжилет и возьмите автоматы. Старший группы – майор Петров.

– Есть!

Мы укомплектовались, вооружились, расселись по машинам и выехали из внутреннего колодца Управления Литовского КГБ через арку с двойными железными воротами «заднего выезда».

Три чёрные «Волги» с одинаковыми госномерами повернули на право и «рванули» на юг. Шторки на заднем и боковых стёклах, матовая панель между салоном и водителем не поз-

воляли нам с Петровым ориентироваться. Мы молчали. Я пристроился дремать. Почему-то сегодня я не выспался. Всегда вырубался по команде, а сегодня, после разговора с Иванычем, уснуть не мог долго.

Зато сейчас отключиться получилось легко и минут тридцать я вздремнул.

– Горазд ты, капитан, дрыхнуть. Выходить пора. Приехали.

Мы вышли. Вокруг редко стояли высокие сосны, отсвечивающие почти красными закатными стволами. Жёлтая хвоя пружинила под ногами. Впереди нашей «Волги» тихо урчал жигулёнок, возле которого нерешительно топтался лысоватый человек в больших «роговых» очках. По виду ему можно было дать лет семьдесят, но ему было пока шестьдесят один.

– Здравствуйте, Николай Мартинович, поздоровался Майор. – Я Петров Пётр, это Чижов Михаил. Мы готовы к разговору?

– Петров Пётр... Чижов Михаил... – Как-то странно протяжно, чуть ли не пропевая, произнёс он наши имена. – Хорошо хоть не Чижов Чиж... Можно ваши удостоверения?

– Можно.

Мы предъявили.

– Самое дрянное, товарищи, что уже поздно разговаривать, – резко сказал он, передавая мне мою «корочку». – Они перешли от слов к делу.

– Вы имеете ввиду вчерашнюю утечку на «Азоте»?

– Ха! Утечку! Взрыв! Подрыв!

– Вы так считаете? – Спросил Петров.

– Я уверен! Они ни перед чем не остановятся. Им нужен повод для создания своей экологической партии.

– «Они», «им», – это кто?

– Ландсбергис<sup>3</sup>, Прунскене<sup>4</sup>и ваш Яковлев<sup>5</sup>.

– Яковлев? – Переспросил я. – А что, его не убрали? И не посадили?

– Откуда? Куда? – Спросил удивлённо Бурокаявичус. – Из ЦК? Да кто ж его уберёт и посадит. Он же памятник.

– И кто он сейчас?

– Ну ты даёшь! – Пробормотал Петров. – Зав. отделом пропаганды ЦК КПСС.

Я схватился руками за голову.

– Ой, бля-я-я...

– Ты что, капитан? – Испугался Петров.

Я молча отвернулся и едва не заплакал. Яковлева в члены ЦК не продвинули. Но зав. отделом он стал. Всё, всё надо контролировать. А ты думал, что прокукарекал и завались всё за железный ящик?

Петров с Бурокаявичусом ещё разговаривали, а я стоял, тупо уставившись в ржавую хвою.

– У тебя вопросы есть? – Тихо спросил майор. – Пассивный ты какой-то.

– Вопросы есть, – кивнул головой я и спросил Бурокаявичуса. – Власть брать будете?

– Как-к-кую власть?

– Простую. Если не возьмёте сейчас, потом будет поздно.

– Ты что несёшь? – Зашипел мне в ухо Петров. – Тебя кто уполномочил?

– Отвяжись. О полномочиях запроси «Папу».

– Ну ты сейчас у меня...

Он нырнул за пазуху.

– Дурак, что ли? – Удивился я, и ударил носком ботинка левой ноги ему в локтевой нерв.

Петров вскрикнул, и мне повезло успеть перехватить его «раненую» руку и провести обратный бросок. Ноги мелькнули. Хвоя смягчила падение майора. Проведя первый контроль, я крикнул вильнюсским комитетчикам:

– Бурокаявичуса задержите!

Будущий секретарь КПЛ уже садился в свою машину, и они бы не успели, если бы «Волга» не рванулась с места и не ткнула экспортную «пятерку» в левое заднее колесо. Жигуль вильнул и уткнулся бампером в ствол.

– Ты что, майор? – Спросил я, усаживаясь перед Петровым на колени и переводя его руку на второй контроль.

– Отпусти!

– Какого куя?! Чтобы ты меня грохнул? Нет, мой хороший, поедешь домой в наручниках. Браслеты есть?! – Крикнул я литовцам.

Один нырнул в машину и вынырнул, радостно помахивая железками.

– Давай сюда.

Петрова со скованными, сзади руками, усадили в «Волгу».

– Не позорь ты меня! – Проскулил тот, но мне было не до него.

Бурокаявичуса трясло. Он вцепился руками в руль и смотрел на меня, садящегося на пассажирское сидение с ужасом.

– У коллеги просто не выдержали нервы. Мы все на взводе. Он скоро успокоится... Не переживайте. Хотите?

Я протянул ему пол-литровую флягу, но он не реагировал. Пришлось взболтнуть, открутить крышку и провести горлышком у него под носом. Аромат «Коктебеля» выплеснулся наружу и его лицо ожило.

– Пейте, Николай Мартинович! – Приказал я. – Вы нам очень нужны, и инфаркт нам сейчас ни к чему.

Он обречённо сделал два глотка. После него хорошенько отхлебнул я. Он явно удивился и потянулся к фляжке. Отжав пальцы его правой руки от руля, передал ему флягу, но пришлось пальцы на фляге сомкнуть и помочь донести до губ.

Так, по очереди, мы фляжку и отполовинили. Клиент постепенно оживал. Он с любопытством поглядывал на меня, а я, изредка усмехаясь, на него.

– Позвольте мне повторить вопрос: «Какую власть?», – наконец спросил он меня и я, очередной раз отпив, закрутил крышку и ответил:

– Всю власть! Надо брать сейчас. Отбирать у – Ландсбергиса и Прунскене. Потом, когда её возьмут они, будет поздно.

– Но власть у Бразаускаса. Он первый секретарь компартии. И у Прунскине.

– Их уже вызвали в ЦК и оттуда они не вернутся. Временно первым станет Берёзов, вы вторым. Буквально на пару месяцев. Потом станете первым. Берёзова мы тоже уберём не надёжен. Назначите своих людей.

– С Берёзовым будет тяжело.

– Его мы оставим в Москве сразу после назначения. Рулить останетесь вы. Дадим вам нескольких надёжных инструкторов.

– Вы такой молодой. Вы, извиняюсь, точно уполномочены?

– Уполномочен-уполномочен. Вы скажите лучше, имя Андриус Линас Казимерас Эйтвичюс... Э-э-э... Вам ничего не говорит?

– Эндриу, что ли? Конечно говорит! Тот ещё прохвост! Ваши три раза его брали и отпускали, а они в ДОСААФе нашем готовят повстанцев.

– Это где?

– Басанавичуса, 15. Рядом с вашей «конторой». Ой, простите. С управлением. Они там постоянно с утра до вечера тренируются.

– Что делают?

– Не знаю.

Бурокаявичуса снова затрясло.

– Да не переживайте вы так, Николай Мартинович. Вам далеко ехать? Сами доедете?

- Я тут пока, – проклацал зубами Бурокаявичус, – посижу, подумаю.
- Мы в контору и пришлём за вами автомобиль...
- Н-н-не-на-до! Ещё выследят. У мен-ня тут н-н-недалеко д-д-д-рузья. Кы-кы-коньяк остави-ви-вьте, п-пожалуйста.
- Я молча протянул ему фляжку.
- Это подарок. Я потом заберу. При случае.
- Кы-кы-конечно.

И мы уехали.

Петрова я обыскал. Он хмуро прятал глаза и молчал.

– Ты пойми, – сказал я. – Не могу я тебя отпустить. Я на тебя не злюсь. Хрен знает, что на тебя нашло. Но рисковать не могу. Мы не станем тебя тащить в управление. Вызовем командира, а ты сам ему объясняйся. Ребята, вы с ним сзади, а я с водителем. Не упустите его, пожалуйста.

Я забрал свой АКСУ и сел спереди.

– Едем в управление, но на Басанавичуса, 15 притормозишь, – сказал я ему.

Водитель посмотрел на меня с подозрением и потянулся к трубке автомобильного радиотелефона.

– Не семафорь, хорошо?

Мы встретились с ним взглядами. Он посмотрел вперёд и сощурился, словно вглядываясь вдаль.

– Нарушаем.

– Сообщи, что выезжаем обратно. Это же по пути?

Водитель кивнул.

– Ну и вот. Номера смени.

Мы ехали дозволенной правилами скоростью. Я обратил внимание, что на панели за моей спиной нарисован пустой задний салон. Причём в «три-д» формате. Удивило.

Мы выехали из лесистого пригорода Вильнюса и вскоре «Волга» притормозила возле пятиэтажного здания с рестораном на первом этаже.

– Вам сюда? – Спросил водила с сарказмом.

– Что-нибудь перекусить надо взять.

– Скорее всего, по-русски вас не обслужат. Может с вами пойти.

– Асьй, аь ratsб, – сказал я, скинул специальную лёгкую куртку с «броником» и остался в лёгких свободных брюках и белой рубашке с коротким рукавом. Хоть и не очень свежей, но ещё белой. Через шею и руку я перекинул кожаную новомодную сумку, сшитую Выходцевым. В неё влазил не только ПСС, но и ПМ и она пристёгивалась скобой к ремню, чтобы не отвисала и не болталась. По своей сути это была закрытая на клапан кобура скрытого ношения, но со стороны хрен догадаешься.

Небрежные десять фунтов в руке и невидящий преград взгляд английского аристократа сделали своё дело, и я прошёл в полупустой зал.

– У меня встреча с мистером Эйва. За каким столиком он обычно ужинает? – Спросил я по-английски пожилого администратора. Моя английская обувь, сумка и мятая льняная рубашка, похоже, убили администратора на повал, а очередная десятка, волшебным образом растворившаяся в его ладони, отворила его рот.

– Господин Эйва не приходит так рано и обычно звонит.

– Я освободился раньше назначенного времени. Откуда можно позвонить?

– У нас звонки платные, мистер...

– Сэр Джон Смит, Великобритания.

- Мы можем сами набрать Мистера Эйва.
- Если вас не затруднит, – сказал я, и ещё одна десятка испарилась в воздухе.
- Мои сбережения таяли, и вряд ли кто мне их компенсирует, подумал я.
- Пройдите за мной. . .

Мы прошли куда-то в левый край зала и нырнули за тяжёлую бордовую портьеру, за которой оказалась массивная дверь кабинета с диваном, двумя креслами, сервированным столом и шестью стульями с высокими спинками.

Об этом кабинете я в своё время прочитал столько оперативных сообщений, что знал даже любимое меню Эндрю. Контора писала исправно и информировала Центр, Центр информировал ЦК, но там информация ложилась под сукно в кабинете Яковлева. В моём времени Эндрю даже заезжал в запрещенные зоны и его ловили там раза три и наконец-то запретили въезд в СССР. Однако в 90-том году он приехал в Вильнюс и организовал раздачу стрелкового оружия, гранат и «коктейлей молотова».

Паролей Эндрю не использовал. Зарубежные эмиссары приезжали часто, контролируя расходование запрошенных денег, но Эндрю их, не церемонясь, выпроваживал быстро, представляя штаб специальной группы «действия». Так инициаторы переводили название Саюдис, а не «движение».

Пока я листал меню, заглянул официант.

- Воды минеральной, пожалуйста, – попросил я.
- У нас есть «Боржом» и «Кишинёвская».

Я улыбнулся.

- Холодные?

Официант кивнул.

– Несите обе, я всё равно ничего в их не понимаю. У вас же нет простой бутилированной воды?

– Нет. А разве такая бывает? – Удивился официант. – Мы пьём из-под крана, или кипячёную.

- Горячую?
- Охлаждённую. Можно добавить лёд.
- А лёд вы из чего морозите?
- Из кипячёной.
- Несите всё.

Официант вполне сносно говорил по-английски, а я, наконец-то, «развязал» свой язык. «Боржом» был, как «боржом», но я лишь коснулся стакана, пригубив «незнакомый» напиток. Зато Кишинёвская вода, и вправду мне не знакомая, была настолько солёной, что я сразу отставил стакан в сторону, а официанта спросил:

- Это морская?

На что тот заулыбался.

– Нет, что вы. Вода лечебная. Очень полезна для пищеварения, – сказал официант и показал пальцем на свой зад.

- Да? – Усмехнулся я. – Тогда я, пожалуй, захвачу пару бутылок с собой. Что с Эндрю?
- Позвонили. Он идёт. Просил подождать.
- Хорошо, – сказал я, отпивая «Боржом».

Проникнуть в их штаб восстания было практически не возможно. Ак сообщали агенты и оперативники, пикеты стояли через каждые пять метров. Вход в ДОСААФ находился со двора этого же здания, и из него через несколько квартир шёл тайный переход в подсобку ресторана.

О нём комитетчики узнали только в девяностом году, когда штурмом взяли помещения ДОСААФа. К тому времени уже опустевшее. Зато в ресторане вдруг появились человек двадцать гостей, отмечающих какое-то событие. Поэтому мне и пришла в голову мысль разыграть

роль очередного контролёра и вызвав Эндрю сюда. А потом с его помощью попасть в штаб. Ну, или, если он меня никуда не поведёт, просто убрать его.

Я не комплексовал. Убрать Эндрю Эйва для меня по значимости было, как убить Гитлера, или, скорее, Отто Скорцени. Эйва был инструктором многих антикоммунистических движений не только в Афганистане, но и помогал диссидентам на Украине и Кубе, в Польше, и в Тибете, Курдистане, Лаосе, Анголе и на индонезийском острове Суматра. То есть – везде, где поднимал голову коммунизм. И сколько погибло уже и погибнет ещё, – вряд ли кто сосчитает. Но по моим прикидкам выходило что-то около ста тысяч человек минимум.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.